

#6 (34), 2018 część 2

Wschodnioeuropejskie Czasopismo Naukowe

(Warszawa, Polska)

Czasopismo jest zarejestrowane i publikowane w

Polsce. W czasopiśmie publikowane są artykuły ze

wszystkich dziedzin naukowych. Czasopismo

publikowane jest w języku polskim, angielskim,

niemieckim i rosyjskim.

Artykuły przyjmowane są do dnia 30 każdego
miesiąca.

Częstotliwość: 12 wydań rocznie.

Format - A4, kolorowy druk

Wszystkie artykuły są recenzowane

Każdy autor otrzymuje jeden bezpłatny egzemplarz
czasopisma.

Bezpłatny dostęp do wersji elektronicznej
czasopisma.

Zespół redakcyjny

Redaktor naczelny - Adam Barczuk

Mikołaj Wiśniewski

Szymon Andrzejewski

Dominik Makowski

Paweł Lewandowski

Rada naukowa

Adam Nowicki (Uniwersytet
Warszawski)

Michał Adamczyk (Instytut Stosunków
Międzynarodowych)

Peter Cohan (Princeton University)

Mateusz Jabłoński (Politechnika
Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)

Piotr Michalak (Uniwersytet
Warszawski)

Jerzy Czarnecki (Uniwersytet
Jagielloński)

Kolub Frennen (University of
Tübingen)

Bartosz Wysocki (Instytut Stosunków
Międzynarodowych)

Patrick O'Connell (Paris IV Sorbonne)

Maciej Kaczmarczyk (Uniwersytet
Warszawski)

#6 (34), 2018 part 2

East European Scientific Journal

(Warsaw, Poland)

The journal is registered and published in Poland. The
journal is registered and published in Poland.

Articles in all spheres of sciences are published in the

journal. Journal is published in **English, German, Polish**

and Russian.

Articles are accepted till the 30th day of each month.

Periodicity: 12 issues per year.

Format - A4, color printing

All articles are reviewed

Each author receives one free printed copy of the
journal

Free access to the electronic version of journal

Editorial

Editor in chief - Adam Barczuk

Mikołaj Wiśniewski

Szymon Andrzejewski

Dominik Makowski

Paweł Lewandowski

The scientific council

Adam Nowicki (Uniwersytet
Warszawski)

Michał Adamczyk (Instytut Stosunków
Międzynarodowych)

Peter Cohan (Princeton University)

Mateusz Jabłoński (Politechnika
Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)

Piotr Michalak (Uniwersytet
Warszawski)

Jerzy Czarnecki (Uniwersytet
Jagielloński)

Kolub Frennen (University of
Tübingen)

Bartosz Wysocki (Instytut Stosunków
Międzynarodowych)

Patrick O'Connell (Paris IV Sorbonne)

Maciej Kaczmarczyk (Uniwersytet
Warszawski)

**Dawid Kowalik (Politechnika
Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)**
**Peter Clarkwood(University College
London)**
Igor Dziedzic (Polska Akademia Nauk)
**Alexander Klimek (Polska Akademia
Nauk)**
**Alexander Rogowski (Uniwersytet
Jagielloński)**
Kehan Schreiner(Hebrew University)
**Bartosz Mazurkiewicz (Politechnika
Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)**
Anthony Maverick(Bar-Ilan University)
**Mikołaj Żukowski (Uniwersytet
Warszawski)**
**Mateusz Marszałek (Uniwersytet
Jagielloński)**
**Szymon Matysiak (Polska Akademia
Nauk)**
**Michał Niewiadomski (Instytut
Stosunków Międzynarodowych)**
Redaktor naczelny - Adam Barczuk

1000 kopii.

**Wydrukowano w «Aleje Jerozolimskie
85/21, 02-001 Warszawa, Polska»**

**Wschodnioeuropejskie Czasopismo
Naukowe**

Aleje Jerozolimskie 85/21, 02-001
Warszawa, Polska

E-mail: info@eesa-journal.com ,

<http://eesa-journal.com/>

**Dawid Kowalik (Politechnika
Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)**
**Peter Clarkwood(University College
London)**
Igor Dziedzic (Polska Akademia Nauk)
**Alexander Klimek (Polska Akademia
Nauk)**
**Alexander Rogowski (Uniwersytet
Jagielloński)**
Kehan Schreiner(Hebrew University)
**Bartosz Mazurkiewicz (Politechnika
Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)**
Anthony Maverick(Bar-Ilan University)
**Mikołaj Żukowski (Uniwersytet
Warszawski)**
**Mateusz Marszałek (Uniwersytet
Jagielloński)**
**Szymon Matysiak (Polska Akademia
Nauk)**
**Michał Niewiadomski (Instytut
Stosunków Międzynarodowych)**
Editor in chief - Adam Barczuk

1000 copies.

**Printed in the "Jerozolimskie 85/21, 02-
001 Warsaw, Poland»**

East European Scientific Journal

Jerozolimskie 85/21, 02-001 Warsaw, Po-
land

E-mail: info@eesa-journal.com ,

<http://eesa-journal.com/>

СОДЕРЖАНИЕ

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ НАУКИ

Odinaev M.M., Yang De Gang, Aliyeva S., Ismoilov Kh., Bakhtiyorov Z., Saidaliev I. THE EVOLUTION PROCESS AND ECONOMIC GROWTH ON THE EXAMPLE OF THE INDUSTRY OF THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN.....	4
---	---

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Забавин В.О. КОСТЯНЫЕ ИЗДЕЛИЯ В ПОГРЕБЕНИЯХ СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ СЕВЕРНОГО ПРИАЗОВЬЯ.....	10
---	----

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Резазов Т.Д., Моргоева А.Г., Зангиева М. С. РОЛЬ НАУЧНО – ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПОВЫШЕНИИ КАЧЕСТВА ПОДГОТОВКИ БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ МЕДИЦИНСКОГО КОЛЛЕДЖА.	16
--	----

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Горбатюк С.Є. ФОРМУВАННЯ КОМПЛЕКСНОГО МЕХАНІЗМУ ДЕРЖАВНОГО УПРАВЛІННЯ У СФЕРІ ЗАБЕЗПЕЧЕННЯ СОЦІОГУМАНІТАРНОЇ БЕЗПЕКИ В УКРАЇНІ	20
---	----

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Аббасова Г.О. УЧЕТ ОСОБЕННОСТЕЙ ПРОЯВЛЕНИЯ ГЕНЕРАЛИЗАЦИИ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ	28
--	----

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Іщенко А.А. ІНТЕРТЕКСТУАЛЬНЕ ПРОЧИТАННЯ КОНЦЕПЦІЇ АНТИГЕРОЯ У КІНОДИСКУРСІ Р. СКОТТА (НА МАТЕРІАЛІ ФІЛЬМІВ «ПРОМЕТЕЙ» ТА «ЧУЖИЙ. ЗАПОВІТ»).....	31
--	----

Приходько І.В. ІСТОРИЧНА ДИНАМІКА КОНЦЕПТУ КАНАДА: ПОЧУТТЄВО-ПОНЯТТЄВИЙ СКЛАДНИК (НА МАТЕРІАЛІ КАНАДСЬКИХ АНГЛІЙСЬКОМОВНИХ ВІРШОВАНИХ ТЕКСТІВ ХVІІІ-ХХІ СТОЛІТЬ)	35
--	----

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Хом'як Н. О. ВІРТУАЛЬНА РЕАЛЬНІСТЬ ЯК ЧИННИК ВІДЧУЖЕННЯ ЛЮДИНИ В УРБАНІЗОВАНОМУ СУСПІЛЬСТВІ	43
--	----

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Biletaliyeva N.B., Nurgaliyeva A.M. THE IMPORTANCE OF FINANCIAL REPORTING IN ASSESSING FINANCIAL SUSTAINABILITY	48
--	----

Бошота Н.В. КОНКУРЕНТОЗДАТНІСТЬ ПІДПРИЄМСТВ ТУРИСТИЧНОЇ СФЕРИ УКРАЇНИ.....	52
--	----

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Шаульська Г.М. СУЧАСНЕ ГРОМАДЯНСЬКЕ СУСПІЛЬСТВО В УКРАЇНІ	57
---	----

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Zabavin V.O.

senior lecturer of the Department of Historical Disciplines,
Mariupol State University

Забавин Вячеслав Олегович

Старший преподаватель кафедры исторических дисциплин,
Мариупольский государственный университет

THE ITEMS MADE OF BONE FROM BURIAL GROUNDS OF THE TIMBER-GRAVE CULTURE OF THE NORTHERN AZOV SEA REGION КОСТЯНЫЕ ИЗДЕЛИЯ В ПОГРЕБЕНИЯХ СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ СЕВЕРНОГО ПРИАЗОВЬЯ

Summary: It examines non-ceramic items from the burial grounds of the Northern Azov Sea region. The items made of wood, stone, bone and horn known due to burial grounds excavations were designed to serve the productive and sacral spheres of the Timber-grave population's life. It presents the characterization of the bone items included in the inventory of the Timber-grave culture's burial places. Questions of typology of this category of funeral implements, interpretation and functional purpose of some bone products are considered.

Key words: the Bronze Age, the Timber-grave culture, the Northern Azov Sea region, bone wares.

Аннотация: Статья посвящена изделиям из кости, происходящим из приазовских курганных могильников. Рассматриваются вопросы типологии данной категории погребального инвентаря, интерпретации и функционального предназначения некоторых костяных изделий. Изделия из древесины, камня, кости и рога, известные по материалам могильников, были призваны обслуживать производственную и сакральную сферу жизни срубного населения (хозяйство, промыслы, быт, культы). Эти сферы, в свою очередь, требовали функционально эффективных орудий, наличия соответствующих навыков и умений, а также знаний, необходимых для отбора сырья и организации производства.

Ключевые слова: эпоха бронзы, срубная культура, Северное Приазовье, изделия из кости.

Постановка проблемы. Основным источником для изучения культуры, быта и хозяйства племен срубной культуры Северного Приазовья являются материальные останки, получаемые в ходе полевых археологических исследований бытовых и погребальных памятников. Корпус артефактов включает керамическую посуду, изделия из цветных металлов, камня, кремня, дерева и кости. Одной из наиболее изученных категорий археологических источников, находкам, типологии, интерпретации и трасологическому анализу которых посвящена достаточно обширная литература, являются изделия из кости.

Анализ последних исследований и публикаций. С проблемой костяных спиц тесно связаны вопросы распознавания орудий текстильного производства и гребешков в качестве аксессуаров для ухода за волосами. Этой категории погребального инвентаря, в том числе историографии проблемы, пристальное внимание было уделено в диссертационной работе В.Б. Панковского [22, с. 71-82]. Относительно функционального назначения костяных трубочек, находившихся в захоронениях в одном экземпляре, высказывались различные точки зрения. Одним из первых обратил внимание на серию погребений с костяными трубочками Л.Л. Галкин, по мнению которого эти трубочки применялись для доения, а лица, которым они клались в могилы, были колдунами. Исследователь предположил, что одной из функций «срубных колдунов» было восстановление лактации скота с помощью магических и практических действий [2, с. 189-190]. По мнению некоторых авторов, такие орудия скотоводства, как костяные трубочки для доения, могли

выступать в качестве символов власти [1, с. 122]. Некоторые трубочки, возможно, использовались в качестве горлышек для бурдюков [3, с. 230]. Можно предположить также, что одной из функций костяной трубочки было раздувание огня или использование для питья из источника [22, с. 101]. Более оригинальное объяснение предложил В.К. Кульбака: часть трубочек могла применяться в ритуале жертвоприношения священного напитка Сомы/Хаомы, которые кроме возлияний использовались также в качестве культовых символических атрибутов [11, с. 6-8]. Проблема исследования и интерпретации захоронений степных культур Восточной Европы с астрагалами неоднократно становилась темой для отдельного всестороннего изучения [4; 16; 21, с. 84-89; 39; 40; 41; 42; 43; 48; 52 и др.], в том числе погребений срубной культуры [9; 33; 50; 54, с. 53-54, 77-78 и др.]. Развернутая историография и анализ различных точек зрения в отношении интерпретации находок астрагалов в могилах срубной и других культур бронзового и раннего железного века Восточной Европы уже были приведены исследователями [4; 50; 52 и др.], что освобождает нас от необходимости повторения подобной работы.

Выделение нерешенных ранее частей общей проблемы. К настоящему моменту фонд источников срубной культуры Северного Приазовья насчитывает более 1500 погребений. Изделия из кости сопровождали 25 комплексов, что составляет около 1,6% от общего числа учтенных захоронений. При этом такая категория погребального инвентаря как костяные изделия специально не рассматривалась.

Цель статьи - проанализировать изделия из кости, происходящие из приазовских курганных

могильников; рассмотреть вопросы типологии данной категории погребального инвентаря, интерпретации и функционального предназначения некоторых костяных изделий.

Изложение основного материала. Одной из наиболее интересных категорий костяных изделий, встречаемых в приазовских захоронениях, являются т.н. «гребни», которые представляют собой заостренные и заполированные с одного конца стержни из расколотых вдоль трубчатых костей с одним заостренным концом. В Северном Приазовье нахождение «гребней» было отмечено в четырех случаях. В погребении у с. Цимлянка перед грудью погребенного взрослого человека находились два сосуда. Набор из 8 спиц лежал под перевернутым вверх дном небольшим баночным сосудом. Костяные изделия трасологически не изучались, идентифицировались со спицами на основании рисунка, где достаточно четко фиксируются перехваты, отделяющие рабочую часть от рукоятки [45, с. 205]. В погребении у с. Семеновка был исследован набор из 8 спиц, разломанных пополам и лежащих компактной группой на уровне древнего горизонта на площадке, представляющей собой место кремации или следы огненного ритуала [13, с. 121]. В погребении у с. Петровское набор из 7 стержней с резными головками находился под черепом погребенного [49, с. 35]. Еще один «гребень» из 7 спиц происходит из погребения, исследованного у с. Покровка [17, рис.18а].

На корпусе хорошо изношенной спицы распознают: «рукоять» без следов износа, стержень со следами износа, «перехват» – углубленную, деформированную полосу, которая отделяет рукоятку от стержня; иногда перехватов бывает несколько [13, с. 121; 47, рис. 1,7]. По мнению В.Б. Панковского, торцы изделий почти не обрабатывались, поэтому производят впечатление сломанных [22, с. 73]. На стержнях видны: равномерные следы по кругу от вращения, круглое сечение, блеск и полировка, зачастую до обесцвечивания, а также потертость [13, с. 121; 44, с. 21].

Что касается предназначения костяных спиц, то впервые подобные изделия были интерпретированы М.П. Грязновым как детали примитивного ткацкого снаряда – спицы для натяжения основы [5, с. 142], позже В.В. Килейников пришел к выводу, что спицами вили или пряли шерстяную нить [7, с.125]. Впервые наборы костяных стержней из захоронений к гребенкам, которыми чесали шерсть или растительные волокна, отнес И.А. Писларий [25, с. 73, 77-79]. Затем эта точка зрения получила развитие в работах В.В. Цимиданова [49; 53]. Параллельно с анализом спиц разрабатывался и вопрос признаков гребней. Микропризнаки износа их зубьев представляют собой многочисленные линейные следы различных размеров, расположенные вдоль или с небольшим отклонением [44, с. 21]. Примером может являться гребень из комплекса Покровка 3/10 [13, с. 121, рис.1,8; 45, с. 208].

Таким образом, гребни разделяются на предметы личной гигиены и орудия труда, признаками последних является массивность и сильный износ

стержней [22, с. 77]. Согласно контексту находок, исследователями выделяются комплексы с остатками гребней, предметов непромышленного назначения – средств гигиены, деталей одежды, украшений (Покровка 3/10, Петровское 2/2) [49, с.36-38]. К группе чесальных гребенок (чесалок) или других составных зубчатых изделий, причастных к текстильному производству [22, с.77], можно отнести находки из оставшихся двух захоронений (Цимлянка 2/2 и Семеновка 2/1). Согласно В.В. Цимиданову, гребни в качестве украшений и средств гигиены находились в могилах взрослых носителей срубной культуры. Социально значимым признаком в контексте погребального обряда гребень не являлся [54, с. 54]. Согласно другим данным, с гребнями и спицами в трех могилах были захоронены мужчины, а в одном случае (Покровка 3/10) – женщина с украшениями [13, с. 122]. Поэтому возможно предположить, что гребень как погребальный аксессуар, прижизненное украшение либо орудие ассоциировался со взрослыми мужчинами, которые в статусном отношении являлись носителями производственной функции [53, с. 274-278].

Итак, среди рассмотренных комплексов со «спицами» следует разделять погребения с гребнями и погребения с орудиями прядения. Поскольку спицы являлись частями орудия, напоминавшего гребень, то можно предположить, что гребень и гребнеобразные изделия выступали в качестве семантически тождественных знаков-медиаторов в обрядах перехода [13, с. 122; 27, с. 218; 49, с. 38], добавляя к этой паре спицы, как неопознанные детали чесалок [44, с. 22].

Особого внимания заслуживает предмет из погребения подростка у с. Благовещенка. Предмет изготовлен из трубчатой кости животного, имеет овальное сечение у головки и круглое у торца, инкрустирован резьбой: на широких плоскостях – образные изображения, соединяющиеся на узкой части, на которой выполнены продольные канавки. Весь рисунок отделен сверху чертой, опоясывающей всю ручку и образующей головку. Ручка имеет сквозное отверстие, сужающееся к головке [35]. Очевидно, что подобные изделия служили рукоятками плетей или кнутов [19, с. 228]. Дальнейшее детальное изучение целого ряда костяных изделий в срубных захоронениях позволило исследователям прийти к выводу о принадлежности указанного типа находок к категории клейнодов («жезлы-трости») и «жезлы-нагайки») [20, с.105] или жезлов-плетей [54, с. 71], выполненных с использованием дерева, кости и рога.

Костяной предмет, обнаруженный в погребении 1 кургана 2 у с. Луганское, также может быть отнесен к категории клейнодов или к жезлам IV типа по В.В. Цимиданову (жезлы-«трости») [54, с.71]. Здесь в захоронении взрослого индивида был найден костяной предмет в форме усеченного конуса с залощенной поверхностью. Авторами раскопок данное изделие определено как навершие скипетра [34].

Обращает на себя внимание серия костяных трубочек, встреченных в 8 приазовских захоронениях. Количество трубочек в одном погребении, детали и их размеры и отличаются некоторым разнообразием. В пяти случаях было найдено по одной трубочке: небольшая заполированная внутри и снаружи трубочка из погребения Запорожец 2/6 [12, рис. 5,5]; трубочка из погребения Благовка 7/1 [46, рис. 5,4]; трубочка из погребения Захарьевка 1/1 [15, рис.2]; трубочка в сосуде из погребения Сокол 1/3 [10]; обломок трубочки из кости мелкого животного из погребения Орловское 1/9 [6, рис. 5,9].

Особо выделяются три захоронения, содержащие целые наборы подобных трубочек. В погребении 10 кургана 1 у с. Полковое у живота погребенного рядом с кистями рук находился набор из 8 трубочек, выполненных из костей птиц. Трубочки имели залощенную поверхность и аккуратно подрезанные торцы. Внутренняя поверхность трубочек не обработана [38, с. 333; 46, рис. 5,2]. В погребении 6 кургана 4 Николаевского могильника в сосуде находился набор из 6 полых костяных трубочек. У северной стенки ямы была найдена седьмая, самая длинная, полая костяная трубочка [29, с. 90, рис. 3,3,4]. В парном погребении 7 кургана 2 курганной группы III у с. Шевченко у головы мужчины пожилого возраста был обнаружен фрагмент обожженной трубки с остатками отверстия. В районе пояса второго костяка, принадлежащего подростку, находилось 12 астрагалов мелкого рогатого скота с заглаженной поверхностью и 3 трубочки. Две из них аккуратно выскоблены внутри. Снаружи их поверхность обработана абразивом и залощена. Торцы трубочек слегка утончены. Особый интерес представляет трубочка с участками различного диаметра. Поверхность ее залощена, переходы к другому диаметру завальцованы. Торец трубочки частично стерт. Зафиксированы последующей эксплуатацией поперечные неглубокие надрезы. Судя по сработанности, на оба конца трубочки воздействовало что-то мягкое, эластичное [46, с. 79, рис. 4,2-5].

Наличие заготовок трубочек с несквозными отверстиями позволило реконструировать технологию их изготовления. Сырьем для большинства изделий служили трубчатые кости мелкого рогатого скота, за исключением набора из 8 трубочек из костей птиц из погребения Полковое 1/10. Вероятно, в срубной культуре кости птиц являлись знаком повышенного ранга, а сами птицы могли ассоциироваться с ритуальной функцией [26, с. 46, 49]. Металлическим лезвием без зубцов кость надпиливали по периметру. Вероятно, длина трубочек строго не лимитировалась. Об этом может свидетельствовать как разница в конечных размерах изделий, так и то, что участок пиления в некоторых случаях мог переноситься, немного увеличивая длину трубочек. После надпила по периметру кость ломали, затем обрабатывали скребением внутреннюю поверхность трубочки и абразивом – торцы. Последняя операция – просверливание отверстия [46, с. 74].

Некоторые трубочки с прорезанным в одной из стенок отверстием могли быть аэрофонами – деталями пастушеской дуды или манками, имитировавшими голоса различных птиц [22, с. 98-99; 24, с. 74; 46, с. 74-75]. Отмечается, что эти «манки» могли иметь не только охотничье назначение, но и использоваться в культовых целях [26, с. 49]. Фрагменты разнообразных духовых инструментов встречаются в материалах различных археологических культур, но наиболее понятны находки разнообразных трубочек в комплексе, получивших общее название в литературе «флейта Пана». Обширную информацию по находкам подобных изделий и широкие этнографические параллели приводит в своей специальной работе А.Н. Усачук [46], что освобождает нас от необходимости повторения такой процедуры.

Флейты в нашей сводке присутствуют в трех комплексах, в двух случаях (Шевченко 2/7 и Николаевка 4/6) они сочетались с предметами культа (астрагалами). Любопытно, что в погребении Полковое 1/10 была имитация флейты – незавершенное изделие, которое имело высокий семиотический статус, а потому могло использоваться в качестве ритуального атрибута само по себе [26, с. 49; 46, с. 80]. Эти факты позволяют также предположить использование музыкальных инструментов не только в утилитарных, но и в культовых целях, поскольку сами пастухи наделяются сверхъестественными силами [46, с. 81-82; 54, с. 57-58]. Таким образом, с определенной долей вероятности можно говорить о наличии у приазовских пастухов эпохи поздней бронзы разнообразного музыкального инвентаря.

В трех случаях в состав погребального инвентаря входили кольца, вырезанные из кости. В погребении 12 кургана 12 у с. Покровка в районе кистей рук находилось полированное кольцо, раздавленное плитой [55]. В погребении 9 кургана 7 у с. Зрубное в заполнении придонной части ямы у западной стенки было найдено кольцо с гофрированной внешней поверхностью и двумя отверстиями [18, с. 86, рис. 13,4]. В погребении 8 кургана 7 у с. Федосеевка на фаланге безымянного пальца правой руки находилось кольцо. [23, с. 122; 28, с.93].

В двух случаях было отмечено наличие в погребальном инвентаре костяной стрелы. В детском погребении 1 кургана 1 могильника Малый Кут у тазовых костей находился костяной трехгранный втульчатый наконечник стрелы. [30, с.170]. Вторая стрела была найдена в погребении 4 кургана 2 у с. Антоновка. Здесь в юго-восточном углу погребения между костями животного и речными ракушками находился костяной трехгранный наконечник стрелы со скрытой втулкой. Острие наконечника сточено, на двух плоскостях отмечены следы обработки металлическим рапилом, оставившим ровные неглубокие параллельные бороздки. На плоскостях параллельно граням нанесены врезные бороздки. [36; 37].

Как показывают исследования Н.И. Шишлиной, лук занимал важное (если не главное) место в вооружении срубной культуры. Лучшее всего эта категория вооружения представлена в памятниках

междуречья Дона и Волги [56]. Согласно В.И. Клочко, трехгранные костяные стрелы со скрытой втулкой свойственны ПМСК, известны подобные изделия и в БМСК [8, с. 148, 192]. Большинство исследователей склонны относить костяные и роговые наконечники к охотничьему оружию, а металлические рассматриваются как военное вооружение. Однако принадлежность костяных наконечников стрел к охотничьему и/или военному оружию остается дискуссионной [22, с. 102].

В западном ареале распространения срубных племен воинства как отдельной социальной группы, в отличие от Поволжья, не существовало [54, с. 92]. Поэтому на рассматриваемой территории нет погребений со знаками военного статуса – предметами вооружения. По мнению авторов раскопок комплекса у с. Антоновка, острие наконечника было притуплено в древности сознательно [37, с. 81]. Отмечается, что это погребение демонстрирует знаковую «перегруженность», что позволяет считать умершего не просто представителем социальной верхушки, но и служителем культа [54, с. 56]. Очевидно, стрелы, выявленные в могилах Северного Приазовья, имеют иную семантику, нежели стрелы из воинских погребений Поволжья. Поэтому эти погребения вероятно можно трактовать как захоронения служителей культа. Тем не менее, нахождение стрелы в погребальном инвентаре можно считать признаком неординарности захороненного индивида.

В одном случае в погребальном инвентаре присутствовала рукоятка бронзового шила (Текстильщик 2/7). По мнению авторов раскопок, рукояткой для крепления шила или ножа является еще одна трубка, вырезанная из кости конечности крупного животного, которая была обнаружена в погребении 1 кургана 2 у с. Петрово-Ханжоновка [31, рис. 1,14; 32, с. 131, рис. 1,8].

В отдельную категорию погребального инвентаря можно выделить таранные кости копытных – астрагалы и бабки (скакательные суставы), которые были встречены в 41 (2,7 %) комплексах (36 и 5 погребениях соответственно). В процессе исследования нами был использован позитивный опыт и наработки предшественников и коллег.

Приведенный показатель удельного веса погребений с астрагалами в целом достаточно близок аналогичным данным по другим степным культурам бронзового века Восточной Европы и в различных регионах распространения срубной культуры [50, с.50, табл. 1; 54, с. 124, табл. 27]. Относительно хронологической позиции погребений с астрагалами можно отметить, что они известны во всех горизонтах могильников Северного Приазовья.

В приазовских погребениях ни разу не было зафиксировано совместное нахождение астрагалов и бабок. Во всех исследованных погребальных комплексах бабки принадлежали лошади, в двух случаях их количество равнялось трем. Во всех случаях рассматриваемые комплексы включали в себя астрагалы МРС. В большинстве привлеченных нами комплексов были обнаружены обычные, дополнительно не обработанные таранные кости

МРС. Лишь в 8 погребениях астрагалы имели сточенные боковые стороны, на которых иногда вырезались определенные знаки в виде насечек, косых крестов, параллельных линий и т.д. Особо выделяется астрагал из погребения Азов 2/4. Здесь изделие имело две зашлифованные боковые плоскости, на одной из которых было выполнено углубление округлой формы диаметром 0,5 см. На противоположной стороне вырезаны три поперечные канавки. Средняя – короче боковых. На торце астрагала острым орудием сделано 6 насечек [36].

Если в погребении количество астрагалов было больше одного, то в абсолютном большинстве случаев они размещались компактной группой. Лишь в одном случае (Азов 2/1) астрагалы в количестве 27 штук были уложены в три ряда перед погребением: 6 – перед лицевой частью, 12 – перед кистями рук и еще ниже – 9 [36]. В захоронении астрагалы могли размещаться в различных зонах. Возможно выделить пять основных позиций: в головах, перед умершим, в ногах, за спиной и в сосуде. В большинстве случаев астрагалы в захоронении находились в зоне перед умершим. Количество астрагалов в могиле колеблется от 1 до 27, но чаще всего они были встречены по одному. Наблюдается некоторая повторяемость вариантов с 2, 3, 4 и 8 астрагалами. Астрагалы встречаются в погребениях всех половозрастных категорий, кроме женских.

Среди существующих точек зрения относительно места и предназначения астрагалов в системе погребального обряда степных культур эпохи бронзы Восточной Европы и смежных территорий, наиболее аргументированным считается подход, согласно которому эти артефакты следует рассматривать в качестве атрибутов неких ритуальных манипуляций, в том числе ритуальных игр и ворожбы [4, с. 29-31; 9, с. 66-69; 16, с. 82; 50, с. 57; 52, с. 222-229; 54, с. 53-54, 77-78 и др.]. В целом, погребальные памятники срубной культуры Северного Приазовья отображают единую традицию использования астрагалов в системе погребального обряда. Имеются основания считать эту традицию местной и искать ее истоки в предшествующих культурах Причерноморья – Днепро-Донской Ббинской и катакомбных [16, с. 84].

Выводы и предложения. Таким образом, изделия из кости и рога, известные по материалам могильников Северного Приазовья, были призваны обслуживать производственную и сакральную сферу жизни срубного населения (хозяйство, промыслы, быт, культ), при этом источником сырья выступало не только животноводство, но и охота. Эти сферы, в свою очередь, требовали функционально эффективных орудий, наличия соответствующих навыков и умений, а также знаний, необходимых для отбора сырья и организации производства изделий из кости. Кроме того, профанное значение орудий и приспособлений также нашло свое отображение в знаковой системе срубного общества, используясь в качестве сопроводительного инвентаря в обрядах перехода.

Список литературы:

1. Бунятян Е.П. Формы собственности на скот и способы их изучения по археологическим данным / Е.П. Бунятян, В.В. Отрощенко // Хозяйство древнего населения Украины. Ремесла и промыслы древнего населения Украины. – К., 1995. – С. 93-131.
2. Галкин Л.Л. Одно из древнейших практических приспособлений скотоводов / Л.Л. Галкин // СА. – 1975. – №3. – С. 186-192.
3. Гершкович Я.П. Об одной категории костяных изделий срубной культуры / Я.П. Гершкович, Г.Л. Евдокимов // СА. – 1982. – №4. – С. 228-231.
4. Гришук О.М. Астрагалы як елемент похвального обряду населення Дніпро-Донської бабинської культури / О.М. Гришук // Донецький археологічний збірник. – Донецьк: Вид-во Донецького ун-ту, 2013. – № 17. – С. 24-34.
5. Грязнов М.П. Землянки бронзового века близ хут. Ляпичева на Дону (из работ в зоне строительства Волго-Донского канала) / М.П. Грязнов // КСИИМК. – 1953. – Вып. L. – С. 137-148.
6. Забавин В.О. Погребения срубной культуры длинного кургана у села Орловское (из раскопок В.К. Кульбаки) / В.О. Забавин // ДАЗ. – 2009/2010. – Донецьк: Вид-во ДонНУ, 2010. – № 13/14. – С. 174-184.
7. Килейников В.В. Орудия труда Лукьяновского поселения эпохи поздней бронзы / В.В. Килейников // Проблемы археологического изучения Доно-Волжской лесостепи. – Воронеж: ВГПИ, 1989. – С. 119-126.
8. Клочко В.І. Озброєння та військова справа давнього населення України (5000 – 900 рр. до Р.Х.) / В.І. Клочко. – К.: АртЕк, 2006. – 337 с.
9. Ковалева И.Ф. Срубные погребения с наборами альчиков / И.Ф. Ковалева // Исследования по археологии Поднепровья. – Днепропетровск, 1990. – С. 59-71.
10. Кульбака В.К., Гнатко И.И. Отчет об исследованиях курганов у с. КоминтерновоНовоазовского р-на, с. Октябрьское Добропольского р-на, с. Красногоровка и с. Сокол Ясиноватского р-на и г. Мариуполь Донецкой обл. в 1990 г. – НА ІА НАН України. – Ф. е. – 1990/147.
11. Кульбака В. Давні індоєвропейці України в світлі новітніх археологічних досліджень / В. Кульбака, В. Качур. – Маріуполь, 2002. – 94 с.
12. Литвиненко Р.А. Исследования северной группы курганов у с. Запорожец (Северное Приазовье) / Р.А. Литвиненко, В.А. Посредников, В.К. Гриб // ДАС. – Вып. 2. – Донецк, 1992. – С. 94-112.
13. Литвиненко Р.А. Об одной категории костяных изделий срубной культуры / Р.А. Литвиненко, А.Н. Усачук // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья V тыс. до н. э. – V в. н. э.: тез. докл. конф. – Тирасполь, 1994. – С. 120-122.
14. Литвиненко Р.А. Срубная культура бассейна Северского Донца (по материалам погребальных памятников): дис. ... канд. ист. наук / Литвиненко Роман Александрович. – К., 1994. – НА ІА НАНУ. – Ф. 12. – Оп. 2. – № 750. – 345 с.
15. Литвиненко Р.А. Периодизация срубных могильников Северо-Восточного Приазовья / Р.А. Литвиненко // Древности Северо-Восточного Приазовья. – Донецк, 1999. – С. 4-23.
16. Литвиненко Р.О. Похороняння культурного кола Бабине з астрагалами / Р.О. Литвиненко // Древности. – Харьков: ХИАО, 2005. – С. 74-86.
17. Методические указания к организации самостоятельной работы на археологической практике: «Раскопки курганов в зонах новостроек Донбасса» / Сост. Д.П. Кравец, В.А. Посредников. – Донецк: Изд-во Дон. ун-та, 1990. – 96 с.
18. Моруженко А.А. Могильник эпохи бронзы у с. Зрубное на р. Миус / А.А. Моруженко, Р.А. Литвиненко // ДАС. – Донецк, 1993. – № 3. – С. 72-93.
19. Отрощенко В.В. Костяные детали плеток из погребений срубной культуры / В.В. Отрощенко // СА. – 1986. – № 3. – С. 227-232.
20. Отрощенко В.В. Клейноды зрубного суспільства / В.В. Отрощенко // Археологія. – 1993. – № 1. – С. 101-109.
21. Панковський В.Б. Лолінсько-бабинська дзига / В.Б. Панковський // Донецький археологічний збірник. – Донецьк: Вид-во Донецького ун-ту, 2012. – №16. – С. 77-99.
22. Панковський В.Б. Кістяна і рогова індустрія доби пізньої бронзи в Північному Причорномор'ї: Дисертація на здобуття наукового ступеня кандидата історичних наук: спец. 07.00.04 «Археологія» / В.Б. Панковський. – К., 2012. – НА ІА НАНУ. – 596 с.
23. Парусимов И.Н. Раскопки АНИБ в 1998 г. / И.Н. Парусимов, В.В. Потапов, В.В. Яценко // ИАИАНД в 1998 г. – Вып. 16. – Азов, 2000. – С. 121-123.
24. Петерс Б.Г. Косторезное дело в античных государствах Северного Причерноморья / Б.Г. Петерс. – М.: Наука, 1986. – 191 с.
25. Післарій І.О. Про ткацтво в добу міді – бронзи та раннього заліза / І.О. Післарій // Археологія. – 1982. – Вип. 38. – С. 70-81.
26. Подобед В.А. Птицы в верованиях степных и лесостепных племен Евразии эпохи бронзы / В.А. Подобед, А.Н. Усачук, В.В. Цимиданов // Уфимский археологический вестник. – 2012. – Вып. 12. – С. 43-70.
27. Полидович Ю.Б. Прядение и ткачество в системе культуры народов Юго-Восточной Европы в эпоху поздней бронзы и раннего железа / Ю.Б. Полидович, Е.А. Полидович // Текстиль эпохи бронзы Евразийских степей. Труды ГИМ. – Вып. 109. – Москва, 1999. – С. 217-223.
28. Потапов В.В. Раскопки курганов на правом берегу р. Миус / В.В. Потапов. // Труды АНИБ – Ростов-на-Дону, 2005. – Том II. – С. 78-107.
29. Привалова О.Я. Срубные погребения Николаевского могильника в бассейне Кальмиуса / О.Я. Привалова // Древности Северо-Восточного Приазовья. – Донецк, 1999. – С. 88-97.
30. Привалова О.Я. Курганы бассейна Мокрой Волновахи (Северо-Восточное Приазовье) / О.Я. Привалова // Археологический альманах. – № 14. – Донецк, 2004. – С. 153-177.

31. Рогудеев В.В. Исследование курганов в Некиновском районе / В.В. Рогудеев // ИАИАНД в 1998 г. – Вып. 16. – Азов, 2000. – С. 123-127.
32. Рогудеев В.В. Исследование курганов в Северо-Восточном Приазовье / В.В. Рогудеев // Труды АНИБ. – Т. II. – Ростов-на-Дону, 2005. – С. 129-149.
33. Рослякова Н.В. Археозоологическое изучение комплексов погребального инвентаря из погребений срубной культуры лесостепного Поволжья / Н.В. Рослякова, П.А. Косинцев // Известия Самарского научного центра РАН. Археология и этнография. – Т. 15. – № 1. – Самара, 2013. – С. 211-218.
34. Самар В.А., Антонов А.Л. Отчет об археологических исследованиях Восточного отряда АЭ Запорожского краеведческого музея в 1994 г. – НА ИА НАН України. – Ф.е. – № 1994/104.
35. Самар В.А., Антонов А.Л. Отчет об археологических исследованиях Восточной археологической экспедиции Запорожской областной инспекции по охране памятников истории и культуры в 1995 году. – НА ИА НАН України. – Ф.е. – № 1995/97.
36. Самар В.А., Антонов А.Л. Отчет об археологических исследованиях Восточной АЭ ЗОИОПИК в 1996 году. – НА ИА НАН України. – Ф.е. – № 1996/89.
37. Самар В.А. Верхняя хронологическая граница кмк и покровская культура Северного Приазовья / В.А. Самар // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности (ККИО) и культурно-исторической общности многоваликовой керамики (КИОМК). – Запорожье, 1998. – С. 75-83.
38. Санжаров С.Н. Работы Донецкого университета / С.Н. Санжаров // АО 1986 года. – М.: Наука, 1988. – С. 332-334.
39. Санжаров С.Н. Погребения донецкой катакомбной культуры с игральными костями / С.Н. Санжаров // СА. – 1988. – №1. – С. 140-159.
40. Сотникова С.В. Детские погребения с наборами астрагалов как отражение детской сферы сакральности / С.В. Сотникова // Вестник Пермского университета. История. – Вып. 1 (24). – Пермь, 2014. – С. 60-70.
41. Сотникова С.В. Детские погребения с наборами альчиков и роль игры в обществах степного населения эпохи бронзы / С.В. Сотникова // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2014. – № 2 (25). – С. 26-33.
42. Стрельник М.О. Гральні кості (II тис. до н.е. – XIV ст. н.е.) з колекції Національного музею історії України / М.О. Стрельник, М.А. Хомчик, С.А. Сорокіна // Археологія. – 2009. – №2. – С. 34-49.
43. Стрельник М.О. Ігридавньогонаселення України / М.О. Стрельник, С.А. Сорокіна, М.А. Хомчик // Наукові записки НаУКМА. – 2010. – Т. 101: Теорія та історія культури. – С. 46-54.
44. Усачук А.Н. К вопросу о гребнях и орудиях прядения в материалах срубной культуры / А.М. Усачук // Проблемы истории и археологии Украины. К 140-летию со дня рождения академика Д.И. Багалая: тез. докл. науч. конф. (Харьков, 16-18 апреля 1997 г.). – Харьков: АО «Бизнес Информ», 1997. – С. 21-22.
45. Усачук А.Н. Орудия прядения и ткачества в памятниках срубной общности // А.Н. Усачук, Р.А. Литвиненко // Текстиль эпохи бронзы евразийских степей. Труды ГИМ. – Вып. 109. – Москва, 1999. – С. 204-216.
46. Усачук А.Н. К вопросу о костяных деталях духовых музыкальных инструментов в эпоху бронзы / А.Н. Усачук // Древности Северо-Восточного Приазовья. – Донецк, 1999. – С. 70-87.
47. Усачук А.Н. Костяные орудия прядения и ткачества на Синташте / А.Н. Усачук, Р.А. Литвиненко // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие: мат-лымеждунар. науч. конф. – Чебоксары, 2003. – С. 163-166.
48. Усачук А.Н. Некоторые аспекты использования астрагалов в погребальном обряде эпохи ранней и средней бронзы / А.Н. Усачук, Н.В. Панасюк // Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история. – 2014. – № 4. – С. 34-46.
49. Цимиданов В.В. Гребни и орудия прядения в погребениях срубной культуры / В.В. Цимиданов // Древности. – Харьков, 1995. – С. 34-39.
50. Цимиданов В.В. Погребения с астрагалами срубной культурно-исторической общности / В.В. Цимиданов, Н.А. Чаур // Древности Подонцовья. – Луганск: Осирис, 1997. – С. 50-61.
51. Цимиданов В.В. Веретено в обрядах населения срубной культуры / В.В. Цимиданов // Текстиль эпохи бронзы Евразийских степей. Труды ГИМ. – Вып. 109. – Москва, 1999. – С. 224-226.
52. Цимиданов В.В. Астрагалы в погребениях степных культур Восточной Европы эпохи поздней бронзы и раннего железа / В.В. Цимиданов // Археологический альманах. – Донецк, 2001. – № 10. – С. 215-248.
53. Цимиданов В.В. Украшения в погребальном обряде срубной культуры: социальный и половозрастной аспект / В.В. Цимиданов // Археологический альманах. – Донецк, 2004. – № 14. – С. 260-291.
54. Цимиданов В.В. Социальная структура срубного общества / В.В. Цимиданов. – Донецк, 2004. – 204с.
55. Шаповалов Т.А., Кравец Д.П., Привалов А.И., Посредников В.А., Кульбака В.К., Косиков В.А., Евглевский А.В., Подобед В.А. Отчет об археологическом исследовании курганов в Донецкой области в 1987 году. – НА ИА НАН України. – Ф.е. – № 1987/130.
56. Шишлина Н.И. О сложном луке срубной культуры / Н.И. Шишлина // Проблемы археологии Евразии. Труды ГИМ. – Вып. 74. – Москва, 1990. – С. 23-37.